

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ УРАЛЬСКИХ МАРИ в XX – начале XXI в.

Березина Анна Валерьевна,

*старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО «Уральский государственный лесотехнический университет»
(г. Екатеринбург, РФ), berezinanna@mail.ru*

Введение. На основании анализа трансформационных процессов языковой культуры уральских мари в работе доказывается, что различные виды трансформаций могут давать культуре новый потенциал для развития или губительно сказываться на ее основаниях. С прогностической целью делается попытка наметить структуру модели языковых трансформаций, которая апробируется на примере языковой культуры уральских мари.

Материалы и методы. В рамках культурологической интерпретации применяются интервьюирование, опрос, социологическое описание. Используются также герменевтические и лингвокультурологические методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Исторически зафиксировано, что на изменение языковой культуры уральских мари влияли соседство с другими народами, торговая деятельность, заимствования в материальной культуре. Становление мариийской письменности дало новый импульс развитию этнокультурного образования. Таким образом этнокультурная идентичность получила выражение в письменной речи. Язык этноса, воспринимаемый визуально и визуально фиксирующий достижения культуры, способствовал осознанию общности этноса. Подобные заимствования автор расценивает как положительные трансформационные процессы. Отрицательные трансформационные процессы связаны с утратой этнокультурных ценностей и массовизацией культуры, что сопряжено с потерей традиционных видов занятости, ценностного отношения к труду, с прекращением изучения языка этноса в системе образования.

Заключение. Автор приходит к выводу, что развивающаяся в районах проживания уральских мари фестивальная и туристская деятельность, проводимая на языке суперэтноса, не может уберечь от потери ценностных основ культуры. В первую очередь необходимо нивелировать процессы, негативно влияющие на язык и культуру этноса.

Ключевые слова: уральские мари; этнокультурная трансформация; трансформация языка; языковая культура; этнокультурная идентичность.

Для цитирования: Березина А. В. Трансформация языковой культуры уральских мари в XX – начале XXI в. // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 2. С. 203–211.

Введение

Как отмечает Г. Е. Шкалина, нарастающие социокультурной динамики, коррозия и разрушение традиционного понимания морали и нравственности «побуждают обратиться к образцам этнической культуры» [13]. Язык этноса является не только образцом этнической культуры, но и отражением реального бытия этноса, знаний об этом бытии и способах взаимодействия с ним. Географическое и природное разнообразие породили множественность этнокультурных практик, воплощенных в языковом своеобразии. Технологическое развитие человечества позволяет необоснованно пренебрегать наработанными этнокультурными практиками, внедряя потребительское отношение ко всему окружающему. Насаждаются решения по шаблонам, стандартизируется не только

деятельность, но и эмоциональная сфера человека. Кажется, отмирает необходимость в знании родных языков. Культуры коренных народов, а вместе с ними и языки, на которых говорят представители данных культур, растворяются в мире глобализации, теряют свою живую уникальность и своеобразие, становясь музейной редкостью.

С потерей этнокультурной идентичности исчезает колоссальнейший опыт взаимодействия человека с природно-географической средой. Трагедии последних лет, вызванные природными катаклизмами, заставляют нас вновь обратиться к проблеме взаимодействия человека и природы, пересмотреть и переоценить ценности технократической цивилизации, осознать необходимость не только

изучения, но и сохранения языкового разнообразия планеты, поскольку язык этноса – это код его культуры.

Цель данной работы – определить характер трансформационных процессов этнического языкового пространства компактно проживающих на Урале марийцев (XX–XXI вв.). Для этого на основе изученных источников и проведенных полевых исследований автор проводит типизацию экзогенного влияния на силу и направленность языковых изменений.

Обзор литературы

Расширение изучения языка до понимания языковой картины мира было начато в XIX в. В. фон Гумбольдтом. К данной проблематике обращаются и исследователи XXI в. Среди них можно назвать Л. И. Гришаеву [1], Е. С. Малько [5], Л. К. Муллагалиеву [8] и др.

Согласно М. Сильверстейну, в центре внимания лингвистических и антропологических исследований находятся причинно-следственные связи местных языковых сообществ с более крупными сообществами, в состав которых они входят [23]. Изучая вопросы исчезновения и трансформации языков малочисленных народов, ученые касаются проблемы языкового обучения. К. Дж. Флинн и Дж. Харрис подошли к анализу обучения родному языку старших поколений через исследование мотиваций, выделив следующие их типы: интегративные (интеграция в определенное сообщество), инструментальные (возможности решать проблемы разного уровня), поддерживающие их культурное наследие, усиливающие осознание своей идентичности за счет изучения языка как кода культуры [17]. Т. Темплин с соавторами проблему сохранения языков малочисленных народов рассматривают в контексте влияния государственного политического регулирования [24].

Научная мысль не раз обращалась к языку как к коду культуры, к процессам языковых трансформаций, которые изменяют эти коды, замещают их, а порой оказывают прямое влияние на трансформацию этнокультурных ценностей. Ю. М. Лотман относительно языкового взаимодействия

говорил, что это взаимодействие порождает не только тождество, но и сопротивление процессам трансформации – область «напряжения» [3, 105]. В. В. Миронов считает, что языковая трансформация связана с разрушением локальных культур и «образованием культуры иного типа» [6].

Тема формирования и становления финно-угорских языков получила развитие в XXI в., в частности в работах А. Н. Куклина [2], В. В. Напольских [9], И. С. Насипова [10]. М. В. Мосин, изучая проблему формирования мордовского литературного языка, касается острых вопросов раздробленности всех финно-угорских языков. Такая раздробленность, по мнению ученого, ведет к усиленной трансформации и исчезновению региональных языков. Решение он видит в объединении за счет расширения синонимического ряда в литературном языке [7].

При изучении данной проблематики автор обратился к трудам финских ученых, которые, исследуя вопросы этнокультурной идентичности финно-угорских народов, сосредоточились на анализе языковых трансформаций. Прежде всего это Т. Ainiälä [15], Дж. Лааксо [19], С. Сааринен [21], Р. Савонен [22].

Рассуждая о значении сохранения языков, М. Мак-Люэн отмечал, что «национальный язык, достигший высокой степени визуальности, позволяет разглядеть социальное единство, границы которого совпадают с границами национального языка» [4].

Что касается языковых трансформаций уральских мари, то они хотя и рассматривались, но до сих пор остаются малоизученными и требуют дальнейшего исследования. Данная работа поможет выявить направления исследовательской деятельности, на основе которой можно будет построить модель трансформационных процессов, выполняющую прогностическую функцию.

Материалы и методы

В рамках культурологической интерпретации применялись социологические методы исследования (интервьюирование, опрос и социологическое описание),

методы герменевтики, лингвокультурологии. Экспедиции для сбора материала проходили в Артинском, Ачитском, Красноуфимском городских округах Свердловской области и Суксунском районе Пермского края.

Результаты исследования и их обсуждение

Язык этноса не стоит на месте; отражая этнокультурные процессы, он постоянно развивается, трансформируется. Рассмотрим данную проблематику на примере трансформации культуры уральских мари в XX – начале XXI в.

Как отмечает в своем исследовании Е. В. Хлыщева, ни одна культура не может поступательно развиваться без совместного функционирования с другими культурами [11]. Распространенным видом коммуникации в начале XX в. было участие в совместной торговле. Мари вели оседлый образ жизни и могли поставлять на рынки башкирам ткани из конопли, лук, муку. Торговля вызывала необходимость знания двух-трех языков.

На языковое своеобразие уральских мари повлияли особенности их расселения и языковые заимствования, являющиеся следствием социально-культурного и экономического взаимодействия. Особенности расселения мари на Урале привели к некоторой трансформации их культуры в сторону тюркизации и отразились на языке. В первую очередь стоит отметить языковые заимствования. Так, в языке уральских мари присутствуют несколько заимствованных татарских наименований предметов быта. Например, у суксунских мари в повседневной речи наименование ковша – *алдыр* (в литературном марийском – *корка*). Подобный тип трансформационных изменений связан с заимствованиями предметов материальной культуры, а вместе с ними и слов из языка того народа, от которого были заимствованы предметы. Этнокультурные связи, нередко приводившие к смешанным бракам, отразились на трансформации понятий из сферы духовной жизни. Священнослужителя суксунские мари называют *мола* (ср.: *мулла*), артинские и красноуфимские – *карт*,

хотя в настоящее время в разговорную речь и литературную норму вошло марийское слово *онаенг*.

Следующий тип трансформационных изменений связан с заимствованием слов, расширяющих символику эмоционального восприятия действительности. Татарские слова приобретали новый смысл, преломляясь через мировоззрение уральских мари. Например, татарское слово *терекөмеш* ‘ртуть’, заимствованное мари, стало обозначать мертвую пчелиную семью в сосновой борти. Абстрактное для марийцев того времени слово «ртуть» приобрело вполне осязаемое значение, связанное с опытом повседневной деятельности. Свойство летучести, смертельная опасность ртути воплотились в образе мертвых пчел погибшего улья. Во многих языках непонятные их носителям явления обозначаются заимствованными словами, что позволяет эмоционально насыщено передать их неструктурированность. Так в русский язык пришли слова *бардак*, *хаос*, которые обозначают высшую степень беспорядка, добавляя усиленную эмоциональную окраску. У уральских мари в быту часто можно услышать выражение *айда насары* ‘беспорядок’, заимствованное из татарского, что придает фиксируемому в речи беспорядку эмоциональную окраску.

Таким образом, заимствованные татарские слова, преломляясь через образное мировоззрение уральских мари, обогащали их язык новой эмоциональной окраской, отражая особенности жизни переселенцев в окружении тюркоязычной культуры. «Слово национального языка, – утверждает Л. А. Шумихина, – есть форма присутствия предмета в “квазипредметности”, выражение предмета в инобытии как духовной реальности. Один и тот же предмет в языках разных народов может быть представлен в разных вариантах инобытия» [14, 60]. Продемонстрируем это на примере: татарское слово *кайчы* ‘ножницы’ преобразовалось у уральских мари в *каче*, в литературном марийском языке для обозначения ножниц существует слово *вайкүзö* ‘ножи навстречу друг другу’, а значение слова *каче* – ‘жених’. Проникая

в тайны образного мышления уральских мари, приходится только догадываться, как образ жениха мог трансформироваться в образ ножниц. Муж на языке уральских мари звучит как *кугызам* (*куго* – ‘большой, главный’), сельскими жителями чаще используется другое слово: *пелашем* ‘моя вторая половинка’. В литературном марийском языке муж – *марий, пӧръен*. Заимствованное у башкир название верхней одежды *джилян* в марийском языке звучит как *йылан*. Заимствовались и топонимы. Так, слово *Сарсады* ‘желтая река’ (заимствование из башкирского языка) стало названием марийской деревни. В литературном марийском языке *сар* – ‘война’.

С преобразованием практик повседневной жизни, изменением быта и заимствованием предметов материальной культуры марийский язык дополнительно обогащается заимствованиями из русского, латинского, английского и других европейских языков. При этом слова из европейских языков приходят в современный марийский язык через русский (например, *школьышко каена* ‘идем в школу’, *компьютер, фотографии*). Под воздействием цивилизационных перемен трансформируются этнические табу. В качестве примера можно привести отношение к проточной воде. В прошлом запрещалось петь в бане у реки, громко разговаривать с плывущим на лодке. В дальнейшем обет молчания распространился на прием душа: нельзя говорить в ванной.

Изменения отразились и на песенном творчестве. Если в первой половине XX в. песни уральских мари складывались из установленных традицией куплетов, соответствующих различным эмоциональным настроениям, то уже в середине столетия они стали приобретать четкую сюжетную линию, хотя о любви к женщине или к мужчине в них еще открыто не пелось («как летом сухим ждет травка дождя, так и во мне все чувства обострились»), при этом мелодии часто были похожи, автор неизвестен, а в каждом селе полюбившиеся песни имели свою интерпретацию. Тема любви в песенном творчестве XXI в. становится более открытой, имеет своего автора и исполнителя («Йӱржӧ йӱреш»

исполняет Арина Аликаева, «Тыланет, йӱратымем» – Станислав Шакиров). В текстах песен присутствует гармоничная связь природных явлений и чувств человека, что соответствует глубинным основам марийской культуры и обеспечивает их популярность среди марийского населения Урала. Современное песенное творчество мари, таким образом, приобретает функцию проводника литературного марийского языка. Жаль, что на этнофестивалях и таких национальных праздниках, как Ага-Пайрем, марийский язык звучит только со сцены.

Языковые трансформации чувствительны и к изменениям в системе образования. В послереволюционные годы началось развитие этнокультурного и языкового образования, обучение на родном литературном языке велось во всех сельских школах Артинского, Ачитского и Красноуфимского районов. В Красноуфимске при педагогическом училище долго функционировало отделение, готовившее учителей начальных классов к преподаванию предметов на родном языке [12]. В указанный период марийский язык Урала обогащался литературными формами, в большом количестве адаптировались слова, заимствованные из русского языка. Становление марийской письменности дало новый импульс развитию этнокультурного образования. Этнокультурная идентичность стала более осмысленной. Язык этноса, приобретя «высокую степень визуальности» [4, 319], способствовал осознанию единства этноса и его культуры.

Вторая половина XX в. знаменовалась уменьшением числа национальных школ, закрытием отделения марийского языка и культуры в Красноуфимском педагогическом училище и, как итог, сокращением численности мари, считающих свой язык родным. Данная ситуация была вызвана не только административными решениями, но и отсутствием у родителей желания обучать своих детей родному языку. Проблема мотивации к изучению родного языка среди малочисленных народов мира поднималась в науке не раз. Европейскими исследователями разработан ряд методик, оживляющих отношения между об-

разованием и обществом, что особенно важно в период расширяющихся культурных трансформаций [18].

Сегодня, согласно данным, полученным в ходе полевых работ летом 2018 г., более 85 % населения марийских сел и деревень Свердловской области даже в быту говорят на русском языке. При этом необходимо заметить, что для уральских мари язык является основным этнообразующим признаком.

По результатам переписей населения, в 1959 г. марийский язык считали родным 84,8 % марийцев, в 1970 – 80,9 %, в 1979 – 74,5 %, в 1989 – 69,1 %, в 2002 г. – 48,6 %. Данные опросов, проведенных нами в местах проживания марийцев в Суксунском районе Пермского края и в Артинском, Ачитском и Красноуфимском районах Свердловской области относительно знания марийского языка, показали, что родным языком не только на бытовом уровне, но и на уровне письма, чтения, понимания теле- и радиопередач владеют около 90 % представителей возрастной группы 45–60 лет. Знание родного языка стремительно снижается обратно пропорционально возрасту респондентов. Опрашиваемые 30–45 лет используют марийский язык только на бытовом уровне, поддерживая общение со старшим поколением. Исключение составляют учителя, работники культуры и участники народных ансамблей. Таким образом, в этой группе полным знанием марийского языка характеризуются только около 18,8 % анкетированных. Мари в возрасте от 18 до 30 лет не владеют марийским языком даже на бытовом уровне. Это поколение уже не умеет говорить по-марийски, хотя еще сохраняет способность понимать марийскую речь. Его представители чаще всего выезжают на работу вахтовым методом, стараются социализироваться в индустриальной среде, где марийский язык при коммуникации используется редко. Однако языковые трансформации связаны с изменением не столько условий труда, сколько с изменением отношения к труду, трудовым ресурсам и ценностям, заложенным в этнической культуре.

Как утверждается в статье Ж. Кеноза и Д. Гортера, языки нельзя отделить от социально-экономических и социально-политических факторов, происходящих в социуме [16]. Изменения в системе культуры труда отражаются на языке, несущем культурные коды. В свою очередь, исчезновение культурных кодов ведет к изменению и даже к исчезновению этнофиксированных способов восприятия действительности, взаимодействия с этой действительностью и, как следствие, к исчезновению культуры. Рассмотренные трансформационные изменения мы относим к типу негативной или невосполнимой трансформации языка как кода культуры.

В настоящее время в Свердловской области нет национальных марийских школ с обучением на родном языке. Образовательная программа с изучением марийского языка присутствует только в двух школах: в Юве Красноуфимского городского округа и Марийских Каршах Ачитского городского округа (соответственно 1 и 3 ч в неделю). В остальных местах компактного проживания мари язык изучается лишь факультативно. Тем не менее, критически рассматривая существующую современную систему языкового образования, вслед за С. Мая отметим, что самого по себе образования недостаточно для того, чтобы остановить разрушающие этнокультуру изменения. Кроме того, ответственность за судьбу языка нельзя сваливать только на пробелы в системе образования [20].

Заключение

На примере трансформации языковой культуры уральских мари мы видим, что преобразования в области материальной и духовной культуры в результате межкультурного взаимодействия отражаются на языках далеко неоднозначно. Те преобразования, которые связаны с адаптацией этноса к региональным условиям, заимствованиями необходимых в этом случае элементов материальной культуры, ведут к развитию языка, его обогащению. С изменением быта и заимствованием предметов материальной культуры язык уральских мари трансформируется, сохраняя

свое ценностное культурологическое основание. Немалую роль в сохранении ценностного ядра марийской культуры играет современное эстрадное песенное творчество.

Переход на ценности массовой культуры для уральских мари является не только и не столько следствием потери традиционных видов занятости и прекращения изучения в школах марийского языка. Ценности общества потребления ведут к существенному изменению отношения к труду и его результатам, заложенным в языковых кодах этнической культуры. Именно трансформации, связанные с изменением ценностного отношения представителей этноса к бытию, носят разрушающий характер:

приводят к исчезновению языка и, вслед за языком, культурной памяти этноса.

Таким образом, сам факт заимствований и языковых преобразований не ведет к разрушению культурных оснований. Проблема не в заимствовании элементов чужой культуры, а в забвении основ собственной.

Развивающаяся в исследуемых районах фестивальная и туристская деятельность не может уберечь от потери ценностных основ культуры, заложенных в языке, так как ведется на языке суперэтноса, в данном случае на русском. Необходимо нивелировать сами процессы, происходящие в жизни и негативно влияющие на язык и культуру этноса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гришаева Л. И. Анализ соотношения культурных кодов как научная задача // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 785–791.
2. Куклин А. Н. Финно-угорский мир сквозь призму уральской топонимии // Финно-угорский мир. 2008. № 1. С. 40–47.
3. Лотман Ю. М. Текст как динамическая система // Структура текста-81: тез. симпозиума. Москва, 1981. С. 104–105.
4. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2004. 432 с.
5. Малько Е. С. Язык как социокультурный феномен: постановка проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 6. С. 18–22.
6. Миронов В. В. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1. С. 101–120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-kultury-v-prostranstve-globalnoy-kommunikatsii-1> (дата обращения: 11.05.2019).
7. Мосин М. В. Единый мордовский литературный язык: за и против // Финно-угорский мир. 2008. № 1 (1). С. 34–39.
8. Муллагалиева Л. К. Изменение языка как отражение трансформации общественного бытия // Социальная политика и социология. 2014. № 1. С. 115–123.
9. Напольских В. В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск: УИИЯЛ, 1997. 257 с.
10. Насипов И. С. Финно-угорские заимствования в татарском языке: синопсис и таксономия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2010. 42 с.
11. Хлыщева Е. В. Конструкты межкультурного взаимодействия на фронтальных территориях: к проблеме культурной безопасности // Журнал фронтальных исследований. 2016. № 1. С. 33–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstrukty-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya-na-frontirnyh-territoriyah-k-probleme-kulturnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 12.05.2019).
12. Черных А. В., Голева Т. Г., Щукина Р. И. Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. Пермь: ОТ и ДО, 2013. 530 с.
13. Шкалина Г. Е. Духовные основы культурного наследия народа мари // Финно-угорский мир. 2018. Т. 10, № 1. С. 110–120. DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.01.110-120
14. Шумихина Л. А. Русская духовность: в 3 т. Т. 1. Рождение русской духовности. Екатеринбург: Изд-во Т. И. Возяковой, 2002. 318 с.
15. Ainiala T. On a New Project in the Study of Anthropymic Systems in Finnic

- Languages // *Onomastica Uralica*. 2017. Vol. 14, issue 3. P. 97–104. DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.3.025
16. Cenóz J., Gorter D. Minority languages and sustainable translanguaging: threat or opportunity? // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2017. Vol. 38, issue 10. P. 901–912. DOI: <https://doi.org/10.1080/01434632.2017.1284855>
 17. Flynn C. J., Harris J. Motivational diversity among adult minority language learners: are current theoretical constructs adequate? // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2016. Vol. 37, issue 4. P. 371–384. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/01434632.2015.1072204>
 18. Gorter D. Multilingual interaction and minority languages: Proficiency and language practices in education and society // *Language Teaching*. 2015. Vol. 48, issue 1. P. 82–98. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0261444812000481>
 19. Laakso J. Back to the roots? Critical reflections on the ‘root’ in finno-ugric linguistics // *Journal of Estonian & Finno-Ugric Linguistics = Eesti ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri*. 2017. Vol. 8, issue 1. P. 133–148. DOI: <https://doi.org/10.12697/jeful.2017.8.1.08>
 20. May S. *Language and Minority Rights: Ethnicity, Nationalism and the Politics of Language*. New York: Routledge, 2012. 434 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203832547>
 21. Saarinen S. The Myth of a Finno-Ugrian Community in practice // *Nationalities Papers*. 2001. Vol. 29, issue 1. P. 41–52. DOI: <https://doi.org/10.1080/00905990120036376>
 22. Savonen R. Evidentiality ideology – Corporate analysis of linguistic keywords analysis originally written in Finnish and translated from Russia. MS thesis. 2009.
 23. Silverstein M. Contemporary transformations of local linguistic communities // *Annual Review of Anthropology*. 1998. Vol. 27. P. 401–426. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.27.1.401>
 24. Templin T., Seidl A., Wickström B. A., Feichtinger G. Optimal language policy for the preservation of a minority language // *Mathematical Social Sciences*. 2016. Vol. 81. P. 8–21. DOI: 10.1016/j.mathsocsci.2016.03.006

Поступила 03.12.2019, опубликована 07.08.2020

TRANSFORMATION OF THE LINGUISTIC CULTURE OF THE URALS MARI in the XX – at the beginning of the XXI centuries

Anna V. Berezina

Senior lecturer, Department of Social and Humanities Studies,
Ural State Forest Engineering University
(Ekaterinburg, Russia), berezinanna@mai.ru

Introduction. Based on the analysis of the transformation processes of the linguistic culture of the Urals Mari, the article considers how various types of transformations can give a culture a new potential for its development or have a harmful influence on its foundations. With the prognostic goal the work makes an attempt to outline the structure of the model of language transformations, which is tested on the example of the language culture of the Urals Mari.

Materials and Methods. In the framework of cultural interpretation, interviewing, survey and sociological description are applied. Hermeneutical and lingvocultural methods are also used.

Results and Discussion. Historically, it was recorded that the changing of the language culture of the Ural Mari was influenced by proximity to other nations, trading activities, borrowing in material culture. The formation of the Mari alphabet gave a fresh impetus to the development of ethnocultural education. Thus, ethnocultural identity was expressed in writing. The language of the ethnos, perceived visually and thus fixing the achievements of culture, contributed to the awareness of the community of the ethos. Analyzing such borrowings, the author comes to the conclusion about positive transformational processes. Negative transformation processes are associated by the author with the mass culture and the loss of ethnocultural values. Mass culture comes along with the loss of traditional types of employment, together with the termination of the study of the language of the ethnic group in the education system.

Conclusion. The author comes to the conclusion that the developing the regions of the Urals Mari festival and tourist activities carried out in the language of the super ethnos cannot influence the leveling of the value foundations of culture. First of all, it is necessary to level out the processes that negatively affect the language and culture of the ethnic group.

Key words: Urals Mari; ethnocultural transformation; language transformation; language culture; ethnocultural identity.

For citation: Berezina AV. Transformation of the linguistic culture of the Urals Mari in the XX – at the beginning of the XXI centuries. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 2: 203–211. (In Russian)

REFERENCES

1. Grishaeva LI. Analysis of the correlation of cultural codes as a scientific task. *Kognitivnye issledovaniia iazyka* = Cognitive studies of language. 2018; 33: 785–791. (In Russian)
2. Kuklin AN. The Finno-Ugric world through the prism of the Ural toponymy. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2008; 1: 40–47. (In Russian)
3. Lotman YuM. Text as a dynamic system. *Struktura teksta-81: tez. simpoziuma* = Text-81 Structure. Theses of the Symposium. Moskva; 1981: 104–105. (In Russian)
4. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Creation of Human Print Culture. Kiev; 2004. (In Russian)
5. Malko ES. Language as a sociocultural phenomenon: statement of the problem. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* = Theory and practice of social development. 2012; 6: 18–22. (In Russian)
6. Mironov VV. Transformation of culture in the space of global communication. *Gumanitarii Iuga Rossii* = Humanitarian of the South of Russia. 2012; 1: 101–120. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-kultury-v-prostranstve-globalnoy-kommunikatsii-1> (accessed 05.11.2019). (In Russian)
7. Mosin MV. Unified Mordovian literary language: pros and cons. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2008; 1: 34–39. (In Russian)
8. Mullagalieva LK. Changing the language as a reflection of the transformation of social being. *Sotsial'naiia politika i sotsiologiya* = Social Policy and Sociology. 2014; 1: 115–123. (In Russian)
9. Napol'skikh VV. Introduction to historical Uralistics. Izhevsk; 1997. (In Russian)
10. Nasipov IS. Finno-Ugric borrowings in the Tatar language: synopsis and taxonomy. Ab-

- stract of dis. ... Dr. Philol. Sci. Kazan; 2010. (In Russian)
11. Khlyshcheva EV. Constructs of intercultural interaction in the frontier territories: to the problem of cultural security. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* = Journal of Frontier Studies. 2016; 1: 33–43. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstrukty-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya-na-frontirnyh-territoriyah-k-probleme-kulturnoy-bezopasnosti> (accessed 12.05.2019). (In Russian)
 12. Chernykh AV, Goleva TG, Schukina RI. Mari of the Perm Territory. Essays on History and Ethnography. Perm; 2013. (In Russian)
 13. Shkalina GE. The spiritual foundations of the cultural heritage of the Mari people. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018; 10; 1: 110–120. DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.01.110-120 (In Russian)
 14. Shumikhina LA. Russian Spirituality. Ekaterinburg; 2002; 1. (In Russian)
 15. Ainiala T. On a New Project in the Study of Anthroponymic Systems in Finnic Languages. *Onomastica Uralica*. 2017; 14; 3: 97–104. DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.3.025 (In English)
 16. Cenoz J, Gorter D. Minority languages and sustainable translanguaging: threat or opportunity? *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2017; 38; 10: 901–912. DOI: <https://doi.org/10.1080/01434632.2017.1284855> (In English)
 17. Flynn CJ, Harris J. Motivational diversity among adult minority language learners: are current theoretical constructs adequate? *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2016; 37; 4: 371–384. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/01434632.2015.1072204> (In English)
 18. Gorter D. Multilingual interaction and minority languages: Proficiency and language practices in education and society. *Language Teaching*. 2015; 48; 1: 82–98. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0261444812000481> (In English)
 19. Laakso J. Back to the roots? Critical reflections on the ‘root’ in Finno-Ugric linguistics. *Journal of Estonian & Finno-Ugric Linguistics = Eesti ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri*. 2017; 8; 1: 133–148. DOI: <https://doi.org/10.12697/jeful.2017.8.1.08> (In English)
 20. May S. Language and Minority Rights: Ethnicity, Nationalism and the Politics of Language. New York; 2012. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203832547> (In English)
 21. Saarinen S. The Myth of a Finno-Ugric Community in practice. *Nationalities Papers*. 2001; 29; 1: 41–52. DOI: <https://doi.org/10.1080/00905990120036376> (In English)
 22. Savonen R. Evidentiality ideology – Corporate analysis of linguistic keywords analysis originally written in Finnish and translated from Russia. MS thesis. 2009. (In English)
 23. Silverstein M. Contemporary transformations of local linguistic communities. *Annual Review of Anthropology*. 1998; 27: 401–426. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.27.1.401> (In English)
 24. Templin T, Seidl A, Wickström BA, Feichtinger G. Optimal language policy for the preservation of a minority language. *Mathematical Social Sciences*. 2016; 81: 8–21. DOI: 10.1016/j.mathsocsci.2016.03.03.006 (In English)

Submitted 03.12.2019, published 07.08.2020